

Павел Лукьянов

«Я по-собачьи выйду из толпы...»

Поэт, родился в 1977 году в Москве. Окончил МГТУ им. Баумана, специалист в области техники низких температур, кандидат технических наук. Работал научным сотрудником в Европейском центре ядерных исследований (CERN, Женева). Победитель международного конкурса поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии» (2008 г.). Публиковался в журналах «Знамя», «Арион», «Новая Юность», «Континент», «Дети Ра».

* * *

Когда циклон отпустит пни,
И солнце озарит погоду,
И слово двинется ко входу,
Чтоб не остались мы одни,
И день, мелькая как лисица,
Так гуттаперчево двоится,
И снег в реке испепелится,
И травы прорастут сквозь дни.
И дети, ставшие иными,
Возьмут чужую речь и имя,
А мы как сталь устало сгинем,
Застынув в холоде любви,
И жизнь, прямая как упрямец,
Проскачет где-то вдалеке,
И мы, плывущие в реке,
Запомним и забудем танец.
По лесу движутся растенья,
И небо, чистое как пенье,

И наши ноги как каменья,
И наши мысли как враги.
Земля безропотно как птица
Вокруг мелодии крутится,
И лак судьбы скрывает лица,
И чувства жмут как сапоги.
Весна встречает нас цветами,
А мы лежим дрова дровами
И смотрим на растущий пламень,
Как на пропущенные дни.
Под нетерпение капли
Река расталкивает ели,
Находит нас на дне постели,
Чтоб не остались мы одни,
И день, мелькая как остаток,
Жизнь превосходит на порядок,
И мертвый на сердце осадок,
Как космос смотрит на огни.

* * *

Там где дерево не растёт мандарин,
Где пароль от всех поступков един,
Где покорность как порок разлита,
И земля за поворотом пуста.
Ах, ты ноченька, ночурка ничья,

Ах ты, реченька, речь из ручья,
Нет ни звона, ни званья, ни зги,
Лишь руины, снега и долги.
Здесь ведь дерево не растёт мандарин,
Смерть войдёт, а ты как воин – один.

* * *

*Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.*

Велимир Хлебников

Здесь нет пустоты: лишь – ты,
дороги стоят пусты,
вдоль улиц идут цветы,
и в воду глядят мосты.

Час от часу не отличить,
реки непрерывная нить,
попробуем пережить
всё то, чего может не быть.

Но это – не то, чтобы плен:
скорей вариант перемен.
Внутри пожилых систем
всё крутится возле морфем.

Смерть лошади – лишь эпизод.
Смерть солнца – Кристаллы, вперёд!
Смерть камень в траве подберёт
И новую стройку начнёт.

Салам – по-арабски – привет.
Салат – по-французски – обед.
Солдат – по-английски ответ.
И только по-русски – слов нет.

Москва средь погасших свечей
целует своих Ильичей.
Здесь скоро не хватит печей,
пошлите добра нам лучей!

Из временных дисциплин
ты выберешь ярость и сплин,
– Хочу умереть я один! –
в метро закричал господин.

В метро закричал машинист:
– Во мне умирает артист! –
Почешет ладони садист,
и воздух услужливо чист.

Илья, поднимаясь с печи,
о прошлом, не зная, молчи,
Сушите, друзья, кирпичи,
в дверях зазвенели ключи.

Страна – по-татарски – бул щыл.
Страна – по-грузински – лук мыл.
Страна – по-казахски – руль сплыл.
И только по-русски – забыл.

И тихо по-русски сказал:
– Дуб тёмный, как долго я спал!
И лица сменились и зал,
но кто-то меня здесь позвал.

Пусть смерти безудержный крот
к себе сам навстречу ползёт.
Встречаемся через год,
Пока нас хоть кто-нибудь ждёт

* * *

Снег налетел как повторенье,
как освежающая давность.
Нас ровно двое на планете,

кто здесь не гость, не иностранец.

Мы знаем скорость снисхожденья
к народу с текстом президента,
мы – там, где время отмирает,
пока пространство вирулентно.

Мы видим дерево из дуба,
мы видим небо из азота,
мы слышим золотые трубы,
в которых плещется забота.

Слова текут как мёд на камень,
но, проходя сквозь почву мнений,
они утратят свою сладость
и преисполнятся сомнений.

Мы помним дерево из песни,
мы знаем небо из рассказа,
но нас объединяет только
туманный взор и чёрный разум.

* * *

я по-собачьи выйду из толпы
и перейду на сторону, где ты,
листая шерсть до вшей и теплоты,
лежишь и освещаешь те кусты.
пред нами пограничники идут,
спасибо, боже, им за этот труд,
стволы сквозь руки медленно растут
и удлиняют тени от минут.
мы помним одинаковые дни,
как будто продолжают они,
как будто продолжают они
одни. и дни и мы одни и дни.
прижми ко мне остывшие листья,
я нанесу текущие черты,

отложенное знание беды,
накапливает тень свои сады.
тела поют, пережидая дрожь,
лечебные ты песенки поёшь,
навек вложен в память этот нож,
зовёшь меня? я сам себя зовёшь!
когда-нибудь ты станешь далека,
сама собой раскроется рука,
и в тексте, покосившемся слегка,
я разгляжу детали маяка:
железное мерцалище вещей,
свисалище орехов, желудей,
судилище прощающих зверей
и молчище распавшихся людей.

* * *

когда бы судьба могла
подать голосок из угла,
когда б основатель небес
мне облаком в сердце исчез,
когда б накопившийся чан
немых обитателей стран
открыл обобщения дверь
и выпустил стадо свиней
из диких помоев души,
(когда ты проснёшься – скажи),
и, высвечен новой звездой,

народ себе хлопал рукой,
и песня, которая нет,
как птица, летела в ответ,
(в пещере иных перспектив
находится мой негатив),
и ветер гудящих полей,
и всадник его – воробей,
и бабочка – ангел его,
и целая сумма всего
навекы была не разбита,
как атомы алфавита.

* * *

описание речки равно погружению в речь,
отпусти своё слово: однажды его не сберечь,
не поднять настроенье однажды легко, как бокал,
эти ноги минутные навеки вросли в пьедестал.
за вращением глаз, за раскладом грядущих завес
холодеет идиллия, и теряет сознание вес,
нерастраченный мечется солнцем охваченный день,
вроде светел и юн, а за пазухой – камни и тень.
не успеешь устроиться, как вычеркнут имя из книг.
что ты знаешь о вечности? что ты скажешь старухе, старик?
о ребёнке заплачь, о горячем его языке,
что любые сомнения утоляет в родном молоке,
сверхмассивное слово нисходит невинное с уст,
начинается космос с названья созвездий и чувств.
ожидающий бурю тихо сеет свои ветерки,
снова день начинается с превосходной восходной строки,
описание бессмысленно: просто плеск, просто блеск, просто визг,
просто червь светлой радости мне всю голову с сердцем изгрыз.

картинки с выставки

еле движется природа,
спотыкается прогноз,
у попа была идея

и вопрос.
мир в попытке самостийной
вышел на район
и увидел жёлто-синий
гамма-фон.
крошка-сын к отцу пришёл
и спросила кроха:
- почему трава растёт
на могиле плохо?
и ответил я ему
прямо через глину:
- если твёрдый человек,
то добавь резину.
видишь: смерть сюда идёт
южную походкой,
верный поп собаку ждёт
с плёткой.

ленин

я люблю смотреть, как умирают мифы,
как из ниоткуда в никуда
ничего не движется, при этом
движется отныне навсегда.
по слепым как будто бы законам,
как бы вдруг случайно приезжал
старичок, но – молодой, но – кто он?
прыгал, бегал, говорил, визжал,
выскочил внезапно на арену,
чтобы лучше было видно, что
нет его, и нет его роднее
вдруг, как оказалось, никого.
в той стране, где тают наши строки,
поспевает чей-то урожай,
приглядишь, о чём молчат уроки:
мир – чужой, и труд – чужой, и – май.

7 ноября 2017

Москва, Кремль

* * *

Скоро в попытках заруюсь,
скоро совсем уже скроюсь,
в общем – уже готовлюсь.
Скоро наступит нескоро,
скоро приеду в Красково,
потом загляну в Носково,
в Старостино, в Сосново,
в Беспамятово, в Песково,
где из полей корова
смотрит на нас без слова,
где отражает пруд,
как облака идут.

* * *

Юре Милуеву

Не человек бежит по кругу, а только лучший из людей,
раздавлен явной перспективой, ты всё же, друг, не холодей.
Нет – холодей, но чуть попозже, когда весна покажет лист,
когда земля сквозь снег проступит, и воздух выветрится чист.
Тогда несильными ногами себя от жизни оттолкни
и отлети в элементарный набор азота и любви.
И там, пока не сгинет память твоих оставшихся друзей,
ты говори о том, что было и, как обычно, багровей.
Сжав кулаки, кричи на деда: – Моя квартира здесь, моя!
Платону покажи аккорды: – Учись сынок, вот нота Ля!
Дари нам книги, диски – слушать, читать не будем их, но ты
дари нам то, чем был и будешь и просвещай из темноты.
Не вылезай, как ты умеешь не вылезать, свернуться в шар,
а мы не любим тихоходов, а мы поставим самовар,
и раскачаем потихоньку твою нахохленную мышь,
и слово выйдет на свободу сквозь устоявшуюся тишь.
И мы обступим лавку света и накопаем в глубине
чужой души такие клады, какие жить должны вовне!..
Как жаль, что нет тебя в помине, а то зашёл бы, рассказал,
расхохотал, раздвинул рамки, раскрылся, вывернул, взорвал!
Я помню чудное мгновенье, передо мной явился ты,
как невозможное везенье, как апельсин из темноты.

17 сентября 2018 Москва